

БЕЛАРУСЬ
ДЛЯ
НАЧИНАЮЩИХ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СООБЩЕСТВ

Татьяна Водолажская

Владимир Мацкевич

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СООБЩЕСТВ

Татьяна Водолажская
Владимир Мацкевич

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СООБЩЕСТВ

Оглавление

Введение

Идея написать эту брошюру родилась после одной из дискуссий с нашими датскими коллегами, которая состоялась в мае 2007 года и была посвящена возможностям и способам работы по развитию местных сообществ в Беларуси. С беларусской стороны в дискуссии участвовали представители одной из старейших беларусских НГО, занимающейся социальными проектами и инновациями, — ОО «Центр социальных инноваций» (ЦСИ), а также экспертной группы Агентства Гуманитарных Технологий, а с датской — эксперты NGO «Европейский дом».

Исходной точкой дискуссии был тезис о том, что деятельность по развитию местных сообществ в рамках европейских программ имеет уже довольно долгую историю в Беларуси, а удовлетворительных результатов все нет и нет. Мы не будем рассказывать здесь о продуктивной стороне этой дискуссии, о том, как «обогащали» друг друга своими опытом и знаниями. Но в ходе дискуссии выяснилось, что очень часто коллеги из западноевропейских стран, приступающие к работе в Беларуси, не учитывают, а иногда и просто не знают некоторых сторон и обстоятельств беларусской жизни и нашей деятельности. Знания же и опыт, предлагаемые к обсуждению беларусской стороной, иногда с трудом согласуются с теми методиками и технологиями работы с обществом, которые тра-

диционно предлагаются европейскими коллегам для «стран перехода».

Из-за этого время от времени возникает непонимание друг друга между беларусами, с одной стороны, и коллегами из других европейских стран, с другой. На преодоление этого непонимания и на взаимное обучение партнеров уходят месяцы (что нормально), но иногда и годы (а это гораздо больше сроков реализации среднего проекта для Беларуси).

Беларусские и датские коллеги достигли в итоге как взаимного понимания, так и настоящего партнерства. И из этого понимания и родилась идея написать небольшую книгу, в которой мы могли бы прояснить те основания, на которые мы опираемся в своей деятельности, представить то, какие мы видим возможности и пути развития местных сообществ в современной Беларуси.

Помимо общих фундаментальных знаний о постсоветских странах и обществах возникают чисто рабочие проблемы, когда мы планируем время, ресурсы и усилия, необходимые для достижения тех или иных локальных целей и решения прикладных задач. По этому поводу также часто возникают споры, когда европейские эксперты предполагают, что основных затрат времени, ресурсов и человеческих усилий требуют одни направления деятельности, другие же могут быть решены быстро и просто. А у беларусских экспертов по этому поводу часто совершенно противоположное мнение. Если теоретические, объяснительные и описательные тексты могут подождать, то рабочие и деловые споры требуют немедленного решения. Коллегам, работающим над одними и теми же целями и задачами, необходимо договариваться, а этого можно достичь, только если внимательно и с уважением относиться к аргументам друг друга.

Настоящая брошюра содержит краткий анализ того, что мешает созданию и развитию сообществ в Беларуси, и представление принципов и оснований собственной деятельности. Она претендует только на изложение аргументов для более корректного и пра-

вильного планирования времени, ресурсов и человеческих усилий в работе по развитию сообществ в Беларуси. Дополнительные аргументы и дополнительную уверенность дает авторам то обстоятельство, что мы не только как эксперты судим о развитии сообществ, но, будучи сами представителями динамично развивающегося сообщества, имеем еще и собственный опыт жизни и деятельности в сообществе, и опыт выживания сообществ в беларусских условиях.

Осознание себя сообществом не только придает обоснованности нашим суждениям, но и делает для нас проблему развития сообществ в Беларуси – проблемой собственного существования. Выживание сообществ в «неблагоприятных» условиях беларуского общества возможно только в том случае, когда такая форма социальной организации будет расширять сферу своего присутствия и влияния. А это возможно только через взаимную поддержку и помощь.

Авторы надеются, что при внимательном отношении к высказанным аргументам достижение взаимопонимания с нашими беларусскими и европейскими коллегами будет быстрее и проще, а результаты совместной деятельности – эффективнее и основательнее.

I. Современное состояние местных сообществ в Беларуси: советское наследие

Исходным тезисом, на котором мы строим всю свою деятельность по развитию местных сообществ в Беларуси, является констатация факта: **«В Беларуси нет местных сообществ и нет местного самоуправления»**. В это очень трудно поверить, и поэтому такой тезис обычно либо считается ошибочным речевым оборотом, либо эпатажным, провоцирующим высказыванием. Но труднее всего отнестись к нему, как к простому констатирующему суждению. Особенно сложно всерьез отнестись к такому утверждению европейским коллегам, для которых сообщества как способ организации людей являются неотъемлемой частью их жизни, и поэтому естественны, как воздух. Сообщества могут быть сильными или слабыми, более или менее успешными и организованными, но они есть всегда. Радикальность нашего утверждения как раз и призвана подчеркнуть тот факт, что сообщества целенаправленно были исключены из общественного устройства советского общества как противоречащий этому устройству элемент и до сих пор не восстановлены. Такое утверждение о существующем положе-

нии дел требует подробного рассмотрения и прояснения, тем более, что оно задает и всю дальнейшую деятельность, направленную не столько на развитие и укрепление, сколько на возрождение местных сообществ в Беларуси.

В этой части/главе/разделе мы будем рассматривать наиболее важные факторы и механизмы, которые привели к такому состоянию дел и продолжают действовать, поддерживая его. При этом, говоря о местных сообществах, мы будем рассматривать их как объединения людей, связанных не просто проживанием на одной территории и хорошими человеческими отношениями, но, прежде всего, как объединения, которые имеют **волю** и **возможность** для самостоятельного решения основных вопросов организации и обустройства своей жизни. То есть будем рассматривать местные сообщества, в первую очередь, как самоорганизующиеся объединения людей. Поэтому проживание на одной территории и отношения между людьми являются только условием, но не главной характеристикой местных сообществ. Для того чтобы быть сообществом, требуются определенные качества людей: инициативность, способность коллективно и индивидуально ставить цели и достигать их, чувство собственности и ответственности за свое и общее дело, готовность проявлять солидарность и многое другое. Но требуются также определенные условия, в которых коллективные субъекты имеют возможность реализовывать свою волю.

Ниже мы рассмотрим, как совместность проживания перестала быть источником и условием взаимодействия людей в обустройстве своего жизненного пространства. Каким образом произошло отчуждение людей от принятия решений относительно собственной жизни? Каким образом и за счет каких социальных, политических и административных методов местная власть перестала быть органом самоуправления сообществ и утратила реальную возможность решать местные проблемы?

Прежде чем приступить к разбору поставленных вопросов, следует задать еще один, казалось бы, само собой разумеющийся вопрос: «Зачем восстанавливать местные сообщества?» Задача восста-

новления сообществ как способа жизни и социальной самоорганизации людей тесно связана с нашими представлениями о демократическом устройстве общества. Мы исходим из того, что в демократичном обществе люди имеют возможность объединяться в группы, коллективы, корпорации для достижения собственных целей. Демократическое устройство общества не только **позволяет** людям объединяться в сообщества, но во многом **опирается** на них и **возможно** благодаря существованию сильных сообществ[1].

Разрушение местных сообществ и местного самоуправления, которое мы констатируем в сегодняшней Беларуси, явилось результатом целенаправленной политики советской власти. Для достижения этой цели было задействовано достаточно много политических, административных и социальных механизмов и средств, каждое из которых разрушительно воздействовало на одно или несколько оснований, необходимых для существования местных сообществ. Представленный ниже подробный обзор таких механизмов и средств предназначен не только для того, чтобы понять истоки и причины нынешнего состояния, но и чтобы осознать всю глубину и укорененность данной проблемы в советском образе жизни, менталитете, способах мышления и поведения. Важно еще и то, что многие из этих механизмов действуют до сих пор (что-то по инерции, а что-то и целенаправленно реализуется), хотя иногда и в превращенных, закамуфлированных формах. Понимать это нужно, чтобы не строить иллюзий и не ошибаться, планируя и организуя деятельность по возрождению местных сообществ.

[1] Коллективизм — общепризнанная и общеизвестная характеристика советского общественного устройства и образа жизни и черта характера, присущая подавляющему большинству советских людей. Стремясь избавиться от советского тоталитарного наследия, политики и интеллектуалы постсоветских стран гипертрофировали роль индивидуализма в организации западного демократического общества. Приписывая демократичному обществу исключительно индивидуалистический характер, постсоветские интеллектуалы становились гораздо большими либералами, чем их западные коллеги, забывая, что демократия немыслима без солидарности и коллективного сотрудничества.

10

Сфера публичной жизни и административные отношения

Назначение руководителей: имперский порядок. Во всей истории Советской Беларуси начальство назначалось не из местных жителей на всех уровнях – республиканском, областном, районном. И это не было случайностью – таков был негласный управленческий принцип. Согласно этому принципу, руководитель не только не должен быть «местным», но и не должен быть включен в разного рода социальные взаимосвязи с населением. Он должен всегда оставаться представителем вертикали власти и проводником ее идей и решений, а не представителем населения. Он скорее социально инкорпорирован во властную административную общность, нежели территориальное сообщество. Практика назначения руководителей на все уровни власти, в которой реализовывался этот принцип, была предназначена для того, чтобы оторвать власть от сообществ как возможных субъектов этой власти и сделать систему принятия решений независимой от мнений, бытующих среди местного населения. Фактически эта практика управления империей, которая была успешно реализована в Советском Союзе.

Безвластность местных советов. Если рассматривать сельский совет как нижний уровень власти, который по своему месту и функциям должен служить механизмом местного самоуправления, то следует учитывать политику высших уровней государственной

власти относительно сельских советов. Эта политика состояла в том, чтобы поставить сельские советы в полную зависимость от других субъектов власти, в первую очередь, от хозяйствующих субъектов, доминирующих на этой территории. Для сельской местности это преимущественно были колхозы и совхозы. Во-первых, сельские советы были лишены бюджетов, соразмерных потребностям подведомственных им территорий и населения. Во-вторых, местные советы не могли пополнять свой бюджет ни через налоги с населения, ни через налоги с хозяйствующих субъектов. Их бюджет формировался централизованно в вышестоящих инстанциях. Ответственность за содержание дорог, коммунального хозяйства и прочей инфраструктуры возлагалась на местные советы, реальными же ресурсами для содержания всего этого обладали только колхозы или другие хозяйствующие субъекты. Тем самым выполнение реальных функций местной власти сельскими советами было поставлено в зависимость от колхозов. Номинально статус главы местного совета был выше руководителей колхозов и совхозов, реально же властью располагали именно они.

В распоряжении местных властей находились и бюджетные учреждения. В первую очередь, это учреждения образования, здравоохранения, иногда культуры (библиотеки). Но отбор и назначение кадров в подведомственных местным советам учреждениях также осуществлялся не местными властями, он контролировался и направлялся партийными органами. В свою очередь, и бюджеты, и кадры учреждений почты, телеграфа, органов внутренних дел контролировались вышестоящими инстанциями по ведомственной принадлежности. Единственной действительной функцией местных властей была регистрация рождений, смертей, браков и т. д., а также выдачи справок для социального обеспечения.

Таким образом, основной механизм реализации интересов, воли и решений населения на местном уровне фактически оказался заблокированным. Формально выборы в местные советы могли бы или должны были непосредственно влиять на самостоятельное обустройство жизни местного сообщества. Но даже сохранение этого

социального механизма самоорганизации и самоуправления на деле было лишь его имитацией, так как эти советы не имели фактического влияния на принятие решений. Все эти факты свидетельствуют о реальном отчуждении местного населения от принятия решений по поводу организации своей жизни, от местной власти и политической жизни на местном уровне. Такое отчуждение постепенно закреплялось в сознании людей и в их отношении к возможностям и способам влияния на обустройство своей жизни.

Эта практика организации деятельности «местной власти» сохранила свои основные черты до сих пор, за исключением партийного руководства, чью функцию в современной Беларуси выполняет «президентская вертикаль».

Советская и партийная власти: дублирование власти. Отдельного рассмотрения заслуживает соотношение Советской (власти Советов) и партийной власти. Именно принцип выстраивания отношений между ними заложил основной механизм управления обществом, которое сделало невозможным реализацию самоуправления и разрушило местные сообщества. Кажется, такого феномена, как партийная власть, не было нигде, кроме Советского Союза, Китая и нескольких азиатских стран, построенных по китайскому образцу (Северная Корея, Вьетнам, раньше Лаос и Камбоджа). В странах Восточной Европы, на Кубе коммунистические партии доминировали на государственном уровне, контролировали силовые ведомства, финансы, экономику, но они реализовывали свою волю через конституционные структуры власти, имитировавшие демократические институты. В Советском Союзе, а значит, и в БССР власть коммунистической партии была закреплена в Конституции. Структуры КПСС, в нашем случае КПБ, повсеместно и на всех уровнях дублировали советскую власть. Исключение составляли только сельские советы. Любая административно-территориальная единица, начиная с районов и городов, предполагала две вертикали власти: совет соответствующего уровня (районный, областной, верховный), формировавший свой исполком, и территориальная партийная организация, формировавшая повторяющую

Советскую вертикаль структуру. Причем партийные структуры располагали реальной властью, а Советы и их исполкомы находились у них в подчинении[2].

---

[2] Исторически такое удвоение власти начало складываться во времена гражданской войны и военного коммунизма, когда офицеры и военные специалисты выполняли свою профессиональную работу под надзором партийных комиссаров. Офицеры и военные специалисты руководствовались в своей деятельности армейским уставом и законами, а власть комиссаров была произвольной и, имея право распоряжаться жизнью людей, абсолютной. Ленинская политика военного коммунизма состояла в распространении такой милитаризованной системы управления на производство и администрирование на всех уровнях. После отмены военного коммунизма эта милитаризованная система управления была закамуфлирована квазидемократическими формами и несколько смягчена. Смягчение состояло в том, что комиссары, или партийные руководители как их аналог в гражданских структурах были лишены права распоряжаться жизнью людей непосредственно. Опосредованно же они по-прежнему распоряжались. Это осуществлялось через силовые структуры (КГБ и МВД). Механизм этого опосредования выглядел следующим образом. На уровне каждой административно-территориальной единицы, начиная с районов, были созданы соответствующие отделы КГБ и МВД. Эти отделы подчинялись не местным Советским властям соответствующего уровня и даже не партийным, а своему непосредственному начальству на более высоком уровне вертикали и партийной структуре более высокого уровня. Поэтому руководители районного и городского советов и партийный руководитель могли направлять и контролировать деятельность органов КГБ и МВД относительно населения на подведомственной территории. Но они сами персонально могли стать жертвами этих отделов МВД и КГБ в случае приказа сверху. Такое положение дел сохранялось в СССР (БССР) больше 30 лет, вплоть до конца 50-ых годов, но и в последующие годы эта схема продолжала действовать в осложненном и забюрократизированном виде. Чрезмерная бюрократизация отношений между партийными, Советскими властями и силовыми структурами создавала видимость либерализации Брежневской эпохи.

Начиная с некоторого времени, дублирование Советской и партийной властей начало маскироваться утроением процедур принятия решений. На нижних уровнях власти многие решения должны были приниматься при участии соответствующих профсоюзных структур. Профсоюзная организация в Советском Союзе была построена как копия партийных структур, и все решения на низовом уровне, реально принимаемые партийными органами, осуществлялись от имени местной власти, партийной и профсоюзной организаций и подписывались лидерами этих структур.

Таким образом, видимое удвоение, а после и утроение власти реально маскировало тотальную власть КПСС и на протяжении всего периода существования СССР изолировало народ от влияния на власть, как в индивидуальном порядке, так и в форме каких бы то ни было объединений людей, сообществ или организаций, неподконтрольных партии[3].

Переход от насильственного поддержания такой противоестественной системы власти к традиции был возможен только ценой отказа от *способности к частной инициативе* и *способности к спонтанной или целесообразной самоорганизации людей в сооб-*

[3] Этот вывод следует проиллюстрировать одним классическим афоризмом В. И. Ленина — создателя всей этой системы: «Профсоюзы — школа коммунизма». Ленин прекрасно понимал тоталитарную сущность создаваемой им системы власти. Точно также он понимал, что население, организованное в сообщества и способное к частной, индивидуальной инициативе, не может управляться такой системой власти без жестокого насильственного принуждения. Понимая это, он объяснял своим соратникам, что потребуется десятилетия и смена нескольких поколений, пока от насильственного поддержания такой системы власти население не перейдет к добровольному ее принятию. Эта школа для всего населения. Школа в том смысле, что насильственное, искусственное поддержание такой системы власти через несколько поколений должно стать традицией и продолжать транслироваться как бы само собой. Именно это и случилось в Беларуси.

щества и жизнеспособные коллективы. Утрата этих способностей привела в соответствие систему принятия решений в стране с нормами поведения и личностными качествами советских людей. Самоорганизация на местном уровне не только была затруднена административными усилиями, но и постепенно стала не нужна людям, которые добровольно отказывались от решения вопросов обустройства своей жизни, перекладывая их на государственные органы.

Производственный принцип устройства партии. Мы подробно рассмотрели роль дублирования партии в ликвидации структур самоуправления. Следует также рассмотреть принцип построения самой партии, поскольку распространение этого принципа на устройство и соорганизацию всех остальных сфер жизни в стране стало одним из важнейших факторов, разрушительно подействовавшим не только на местные территориальные сообщества, но и на все другие возможные виды самоорганизации людей.

При переходе от подпольной террористической революционной партии к правящей и доминирующей партии в государстве большевикам-коммунистам пришлось переосмыслять принципы построения партии. Получив власть в огромной стране, они должны были перейти к легальным и открытым формам существования, с одной стороны, а с другой стороны, во много раз увеличить свою численность, чтобы проникнуть во все сферы жизни и деятельности. Партийные руководители или исполнители должны были присутствовать в каждом без исключения поселении, воинском подразделении или производственном коллективе. И не просто присутствовать, но и быть включенными в хорошо организованную моментально реагирующую, отличающуюся военной дисциплиной и исполнительностью организацию. Если раньше минимальные ячейки партии организовывались в соответствии с территориальной близостью, то после прихода к власти большевики стали строить свои структуры *не по территориальному, а по производственному принципу.* В городских условиях это означало, что партийные организации создаются не по месту жительства своих

членов, а по месту работы. Таким образом, партийные организации контролировали не повседневную жизнь людей и условия этой жизни, а экономику и ресурсы. Привязка к территории партийных организаций осуществлялась на более высоком уровне, например, городов или частей города в городах с населением в несколько сотен тысяч человек.

В сельской местности в чистом виде такой принцип был неприменим, поскольку хозяйство на селе велось семьями, и организовать семейные партийные ячейки даже большевикам было не под силу. Поэтому сельские сообщества оставались главными субъектами на территории своего проживания и контролировали эту территорию. Более того, ликвидация крупного помещичьего землевладения, с одной стороны, секуляризация, ослабление авторитета церкви и приходских сообществ, с другой стороны, вели даже к укреплению сельских общин и к росту их самоорганизации. В 20-ые годы сельские сообщества становились реальными конкурентами милитаризованной партийной власти, а сельские советы могли стать механизмами реализации реального местного самоуправления. С укреплением сельских общин и ростом экономического благосостояния на селе коммунистическая партия утрачивала свое влияние в сельской местности. Обнаружив этот факт, коммунисты развернули коллективизацию. Уже в колхозах как в производственных объединениях создавались первичные партийные организации, осуществлявшие реальную власть с использованием колхозных ресурсов и экономических рычагов. Все экономические обоснования коллективизации были только идеологическим камуфляжем.

На протяжении первых десяти лет своего существования колхозы были экономически нецелесообразны. Голодомор на Украине – лучшее тому подтверждение. Колхозы нужны были коммунистической партии для последовательной реализации своих принципов управления страной. Они переняли от индивидуальных хозяйств все аграрное производство, сконцентрировали на себе все экономические ресурсы, тем самым лишив этих ресурсов местные сельские Советы. Потребовалось несколько десятилетий, чтобы

превратить колхозы из инструментов политического давления и разрушения традиционной сельской общины в аграрно-индустриальные предприятия, но до конца существования СССР колхозы в целом (за исключением нескольких образцово-показательных) так и не удалось сделать экономически рентабельными. Более того, к концу 50-ых годов колхозная организация сельского хозяйства перестала обеспечивать СССР необходимым продовольствием. Но экономические неприятности и последствия коллективизации несравнимы с гуманитарными последствиями. Гуманитарные же последствия состоят *в полной пролетаризации населения и уничтожении всех традиционных форм соорганизации людей в общины и сообщества.*

Последовательное распространение и проведение в жизнь производственного принципа партийного управления привело к тому, что у лишившихся собственности крестьян «отпала» необходимость в самоорганизации. Местные сообщества превратились в «трудовые коллективы». При этом жизнь в этих коллективах требовала, с одной стороны, постоянной и обязательной включенности в коллектив, а с другой, запрещала любую инициативу или собственное целеполагание[4].

Производственный принцип, использовавшийся компартией для укрепления своей власти, имел и иные долгосрочные последствия, а именно он приводил к такому сильному привязыванию людей к их месту работы, что делал практически не значимыми и не существенными связи между людьми по месту жительства. В городах это вело к тому, что соседи стали настолько не нужны друг

[4] В городах дело обстоит сложнее, производственный принцип построения коммунистической партии позволял реализовывать партийную власть, но не мог воспрепятствовать соорганизации людей по интересам и увлечениям. Поэтому довершить работу по разрушению сообществ были призваны профсоюзы. Роль профсоюзов мы рассмотрим ниже.

другу, что перестали знакомиться. Обычным явлением стало то, что городские жители не знают, кто живет в соседней квартире. На селе, где видимая связь между односельчанами проявляется более явно, коллективизация и привязка к колхозам привели к тому, что даже необходимая помощь людей друг другу стала оказываться посредством колхозов. То, что раньше делалось с помощью соседских общин, например, заготовка кормов, топлива, мелиоративные работы, защита скота от хищников, ремонт дорог, мостов и т. д., теперь делалось исключительно с разрешения колхозного начальства и с привлечением колхозных ресурсов. Неслучайно президент РБ А. Лукашенко остановил после своего прихода к власти развитие фермерских хозяйств и фермерское движение и занялся восстановлением колхозов, откровенно заявляя, что для него *колхозы — это не экономическая, а политическая категория*.

«Приводные ремни партии и школа коммунизма». Насколько бы значимой не являлась для каждого человека его профессиональная деятельность или иные (непрофессиональные) способы зарабатывания на жизнь, остается еще какая-то часть свободного времени, которое он посвящает отдыху, общению, образованию, хобби и увлечениям, выполнению религиозных обрядов и т. д. Коммунистический образ правления органичен во время войны или восстановления после военной разрухи. С достижением некоторой экономической стабильности и появлением у людей свободного времени коммунистическая партия начинает чувствовать опасность и угрозу своей монополии на власть. Чтобы минимизировать эту опасность и угрозу, она стремится контролировать свободное время, отдых, образование и даже религиозные ритуалы.

На протяжении разных периодов своего правления коммунистическая партия СССР изобретала различные формы контроля над непроизводственной частью жизни людей. Такой формой было, например, привязывание свободного времени городских жителей к обработке дачных участков, что позволяло им, с одной стороны, решать проблему дефицита продуктов, а с другой стороны, вело к разобщению людей, когда они находятся за пределами производства.

Но самой главной формой контроля над свободным временем стали *советские профсоюзы*. В собственность профсоюзам была передана вся инфраструктура отдыха и большая часть инфраструктуры развлечений. Заработки советских людей не позволяли самостоятельно оплачивать туристические поездки, отдых на море или на природе, санаторное лечение или увлечение дорогостоящими видами спорта. Все это могло оплачиваться из средств советских профсоюзов. Фактически профсоюзы могли контролировать большую часть свободного времени советских людей. Все советские люди поголовно состояли в профсоюзных организациях по месту работы, платили членские взносы и могли получать от профсоюзов путевки — иногда «бесплатно», иногда за символическую стоимость. *Поэтому для удовлетворения своих интересов и увлечений советским людям не нужно было проявлять индивидуальную инициативу или сорганизовываться.* Эти обязанности перенимали профсоюзы. Редкие исключения стали появляться только в эпоху застоя, когда туристы, любители самодеятельной песни, молодежь с экзотическими увлечениями обрели возможность самостоятельно сорганизовываться. Именно эти проявления самостоятельности в виде неформальных экстерриториальных сообществ и стали опорой политической и общественной активности в годы Перестройки.

Ко всему сказанному следует напомнить отличительную особенность советских профсоюзов, которая состоит в том, что они объединяли в своих рядах и наемных работников, и администрацию предприятия. Все сотрудники любого предприятия от рабочего до директора состояли в одной профсоюзной организации, которая входила в отраслевой профсоюз соответствующего министерства. И даже министр, член правительства состоял членом этого отраслевого профсоюза, за исключением тех министров, у которых не было отраслевого профсоюза, и поэтому они состояли в профсоюзе государственных служащих. Советские профсоюзы объединяли людей на предприятиях, но контролировали их жизнь за пределами предприятия и не имели никакого отношения к урегулированию трудовых споров и конфликтов.

Таким образом, профсоюзы играли очень важную роль в контроле над индивидуальной жизнью советских людей. Они восполняли те пробелы, которые не охватывались партийным и производственным контролем. В то же время они также воспроизводили производственный принцип, привязывая все человеческое общение к самой неподвластной человеку структуре. Помимо ленинского афоризма: «профсоюзы – школа коммунизма» – известен еще и сталинский афоризм о том, что «профсоюзы – это приводные ремни партии». Их назначение как раз состояло в том, чтобы сделать необязательным, а в некоторых случаях и невозможным, спонтанное объединение людей по интересам и увлечениям и какую бы то ни было самоорганизацию за пределами производства.

Сфера личной, частной жизни

С первых лет своего прихода к власти большевики стремились контролировать социальную жизнь, понимая при этом, что никакие формы ее контроля без вмешательства и изменения личной жизни и приватного пространства человека не могут быть устойчивыми и долговременными. Некоторые формы контроля, связанные с реорганизацией производства и структуры управления обществом, мы рассмотрели выше, а теперь обратимся к контролю за личной и частной жизнью. Способы такого контроля сводились у большевиков к трем основным:

1. Непосредственное насилие, силовое принуждение.

2. Распределение материальных благ и ресурсов.

3. Идеологическое давление в форме агитации, пропаганды и, главное, образования.

Рассмотрение форм насилия и принуждения не входит на нашу задачу, а два последних способа мы сейчас последовательно рассмотрим.

Жилищный вопрос. Советская власть с самого начала сосредоточила в своих руках все средства производства и материальные ресурсы, для того чтобы привязать к себе каждого жителя страны. Чтобы никто не мог иметь независимого от советской власти источника средств к существованию.

В контексте нашей темы мы ограничимся только рассмотрением распределения жилья, жилищных площадей и ресурсов. Это было одним из самых действенных рычагов воздействия на сферу частной жизни людей, рычагом подчинения и контроля со стороны советской власти, с первых до последних лет ее существования. Еще перед войной Булгаков М. А. сформулировал тезис об антропологических последствиях распределения жилья в СССР: «Москвичи все те же, только квартирный вопрос их испортил».

Национализировав практически весь жилой фонд в городах, советская власть получила контроль над процессами миграции и демографического воспроизводства. Но этого было мало. *Политика советской власти в области распределения жилья имела своими приоритетами разрушение привычных социальных связей и отношений*, и достигалось это несколькими способами. Перечислим только некоторые из них, остановившись либо на самых массовых, либо на самых ярких проявлениях.

Коммунальные квартиры. Во всех больших городах Советского Союза был национализирован весь жилой фонд, включая дома представителей высших классов, доходные дома и все остальное, за исключением, пожалуй, частных домов, рассчитанных не более чем на одну семью. Национализированные квартиры и дома разбивались на отдельные комнаты, в каждой из которых поселялась одна семья. Все, находившееся за пределами жилой комнаты, считалось местами общего пользования, включая кухню, туалет, коридор, кладовки и т. д. Иногда прежние хозяева квартир или целых домов, а это чаще всего были представители высших слоев, интеллигенция или рабочие высокой квалификации, не выселялись и не подвергались репрессиям. Но им оставляли одну комнату наравне со всеми остальными. Это называлось «уплотнение», а такое жилье получило название «коммунальной квартиры». В некоторых коммунальных квартирах жили по нескольку десятков семей.

Первоначально коммунальные квартиры организовывались с самыми благими намерениями — обеспечение обездоленных жильем. Но со временем стали очевидны пороки коммунальных квар-

тир, которые по своему воздействию на людей и отношения между ними представляли собой не меньшую угрозу, чем жилищная обездоленность. В первую очередь, проблемы были связаны с невозможностью оптимальным образом распорядиться местами общего пользования. Во вторую очередь — с несовпадением образа жизни, культуры, традиций, обрядов и даже гигиенических навыков представителей разных слоев общества, заселявшихся в эти квартиры. Уже в 20-ые годы слова «коммунальная квартира», «коммуналка» стали синонимами скандалов, конфликтов, межличностной напряженности и раздоров. Постепенно в коммунальных квартирах сложился особый образ жизни и человеческих отношений. В конце концов (хотя этот процесс и затянулся на десятилетия) советские люди научились жить в коммунальных квартирах и ладить между собой, но эта наука и этот лад *дались* *ценой отказа от свободного выбора образа жизни, ценой нивелирования образов жизни и стирания сословных, классовых, имущественных, культурных, национальных и религиозных традиций*. Получил распространение усредненный образ жизни и заниженный уровень потребностей. Вошло в привычку подавлять собственную индивидуальность в угоду миру и спокойствию жизни в коллективе, выйти из которого человек практически не имел возможностей из-за института прописки, о котором мы скажем чуть ниже. В то же время даже установившиеся «мирные» отношения соседей не стали основанием для развития местных сообществ. Во-первых, достигнутое усреднение являлось результатом не согласования взглядов и интересов, а их (интересов и взглядов) уничтожения. Сообщества же организуются как раз на основе общих интересов, ценностей и целей. Во-вторых, жители коммунальных квартир, несмотря на то, что жили в них несколькими поколениями, не могли относиться к этому жилью, как к своей собственности, которая требует заботы и долговременных планов. Зыбкость материального и социального положения, да и жизни вообще, зависимость от неподвластных человеку решений требовала скорее развития способностей индивидуального поиска лучшей жизни («теплого места»), чем какого-то совместного обустройства, кооперации и соорганизации.

Бараки. Ускоренная урбанизация советских лет при ограниченных инвестиционных ресурсах привела к тому, что в быстроразвивающиеся города был направлен поток мигрантов из отсталых и депрессивных регионов. Возникла диспропорция между потребностью в рабочей силе и возможностями обеспечения нормальных условий для существования новых рабочих. Как правило, это решалось созданием дешевого жилья для временного размещения. На первых этапах индустриализации в довоенный период в Советском Союзе таким дешевым жильем были бараки. Это были одно- и двухэтажные сооружения из некондиционной древесины или строительных отходов, предназначенные для временного размещения строителей или рабочих. В качестве временного жилища бараки использовались и для специалистов, привозимых на стройки. Однако плановое хозяйство Советского союза было устроено таким образом, что с окончанием строительства новых предприятий расходы на капитальное строительство (аналог инвестиций в рыночной экономике) сокращались, поэтому практически все, кто не успел до окончания строительства получить постоянное жилье, оставались жить в бараках. Постепенно утепленные бараки превращались в постоянное жилье для нескольких поколений людей.

В более обеспеченные 60-70-ые годы для рабочих и мигрантов стали строить бараки усовершенствованного вида, которые назывались общежитиями или «малосемейками». Название «малосемейки» возникло тогда, когда уже ни у кого не оставалось иллюзий относительно временности жилищ такого типа. В 80-ые годы модернизированные «бараки» стали строить из тех же материалов, что и дома массовой застройки, и даже с минимально необходимым набором стандартных удобств. Жизнь в бараках, а после в общежитиях характеризовалась одновременно несколькими негативными для выживания сообществ факторами: временность жилья, конкуренция за право вырваться в более комфортные условия, осознаваемая бесперспективность этих стремлений и, главное, чувство и осознание, что от самого человека практически ничего не зависит. Все это порождало иждивенческие и патерналистские установки советского человека, который никогда не чувствовал себя пол-

ным хозяином свого жилья. Дети, выросшие в такого рода жилищах, а иногда и создавшие в них собственные семьи, характеризуются низкой самооценкой, заниженными социальными потребностями, послушностью и безынициативностью. Попытки опереться на чувство солидарности, взаимопомощи в районах барачной застройки практически бесперспективны.

Хрущевская градостроительная реформа. Особую остроту жилищный вопрос приобрел к концу 50-ых – началу 60-ых годов. Для ее снятия была развернута программа жилищного строительства, растянувшаяся на несколько десятилетий и сформировавшая лицо советских городов, включая беларусские. Лицо, сохранившееся и до сего дня. Программа заключалась в ускоренном, массовом строительстве дешевых многоквартирных домов с компактными квартирами и типовым набором удобств и услуг. Жилища строились целыми районами. Строительные площадки занимали многие квадратные километры. Основной особенностью этого жилья стала теснота и ограниченность, которая, тем не менее, воспринималась, как благо, поскольку это была все же отдельная квартира. Наиболее массовыми были одно- и двухкомнатные квартиры, рассчитанные на так называемую нуклеарную семью: муж, жена и один или два ребенка. Эта программа позволила расселить большую часть коммунальных квартир, ликвидировать значительную часть барачной застройки, а в 70-ых годах в блочные дома стали переселять жителей районов частной застройки. В тот же период программу блочного домостроения распространили из городов и в сельскую местность.

Социальные и демографические последствия этой программы были разрушительны и почти необратимы. «Хрущевки», как стали называть эти дома в народе, практически завершили разрушение традиционной многопоколенной семьи у народов европейской части бывшего СССР. В том числе и в Беларуси. Разорвав поколения одной семьи и разбросав их по разным частям города, «хрущевки» уничтожили практически последнюю возможность для советского человека получить опыт жизни в мини-сообществах, какими были большие семьи, нередко включавшие в себя не только родственников. Большие семьи оставались способом трансляции тра-

диций, ценностей и образов жизни, не связанных с нормами жизни советского человека. За счет сплоченности и взаимовыручки такие семьи могли выживать и в самые сложные времена.

«Хрущевки» также сильно ограничили рост нуклеарной семьи. Очереди на получение квартиры приходилось ждать очень долго, поэтому семьи вынуждены были планировать рождаемость, ограничивая ее размерами имевшихся квартир. Кроме того, эта массовая безликая застройка городских окраин привела к возникновению такого явления, как «спальные районы». «Спальные» — это означает, что в этих районах практически отсутствует необходимая для активной и разнообразной жизни инфраструктура. Поэтому жизнь людей протекает либо на производстве, либо в центральных районах города, где были сосредоточены места для всех видов времяпрепровождения. *Соответственно в местах проживания люди практически не нуждались друг в друге.* Все коммунально-бытовые проблемы решались государством. В 60-ые годы, когда хрущевки строились в непосредственной близости от традиционного центра города, в эти районы проникала уличная и дворовая инфраструктура. Во дворах организовывались спортивные и игровые площадки, создавались места встреч и коммуникации соседей. Чем дальше от центра города простиралась эта застройка, тем меньше необходимости было в такой инфраструктуре. Дворы и улицы стали вымирать, площадки для игр и спорта постепенно использовались не для игр детей, а для выгула собак или как автостоянки. Коммуникация в городских кварталах и районах между соседями практически прекратилась.

Институт прописки. Усилению разрушительного действия всех факторов, связанных с жилищным вопросом, способствовал институт прописки, фиксирующий и закрепляющий несвободу частной жизни советского человека. Феномен прописки достаточно хорошо описан и проанализирован. Его значение для ограничения свободы передвижений и контроля над частной жизнью граждан хорошо известно и в бывших советских странах, и за их пределами. Мы обратим внимание только на тот аспект этого института, ко-

торый имеет значение для разрушения сообществ и нормальных форм социальной жизни.

Каждый советский человек посредством прописки привязывался к определенному месту жительства, к некоторой административно-территориальной единице. Экономические и культурные различия между территориями можно рассматривать как аналог сословных и феодальных привилегий. Родиться в столице — означало иметь привилегии по рождению, не зависимо от личных талантов, способностей, трудолюбия и т. д. Но даже рождение в столице не гарантировало равных прав, поскольку человек не мог выбрать по собственному усмотрению школу для обучения, а вынужден был посещать ту, которая назначена по месту прописки. Партия и советская власть понимали несправедливость, заключенную в институте прописки, и пытались изобретать разного рода компенсаторные механизмы, вводя квоты, например, на поступление в высшие учебные заведения для сельских жителей, чтобы как-то уравнять их с городскими детьми. Существовали даже квоты на вступление в партию. Но все эти механизмы не столько приводили к действительному восстановлению справедливости, сколько укрепляли патерналистские настроения в районах с низким экономическим и социальным статусом и вели к росту коррупции в районах с высоким экономическим и социальным статусом. Грубо говоря, «бедные» все больше укреплялись в надеждах на подачки и льготы со стороны государства, «богатые» все больше укреплялись в представлении, что все в этой жизни решается знакомствами, связями и взятками.

Прописка прикрепляла человека к месту жительства, но не связывала, а скорее разделяла его с соседями, поскольку все насущные вопросы решались в отношениях «отдельный человек — государство (в лице чиновников)», и каждый искал свой путь установления и «улучшения» этих отношений.

В юридическом виде институт прописки, доставшийся Беларуси от СССР, сохранялся довольно долго, вплоть до 2007 года. Совсем недавно «прописка» была заменена на другую процедуру — «регис-

трацию». При этом по существу ничего не изменилось, что говорит лишь о важности этого института для сохранения социальных отношений и социальной структуры общества, существовавшего в Советском Союзе. В городах его эффективность во многом подорвана зарождающимся рынком недвижимости, а в сельской местности он действует и сохраняет свою силу, практически в той же степени, как и во времена СССР.

Вмешательство в частную жизнь сельских жителей. Только что мы описывали институт прописки, который был введен первоначально только в городах, и его составной частью была всеобщая паспортизация городского населения. Сельские жители не имели паспортов до конца 50-ых годов. Отсутствие паспорта полностью лишало их свободы передвижения. Покинуть собственное место жительства даже для переезда в соседнюю деревню крестьяне могли только с разрешения властей. Фактически в сельской местности было восстановлено крепостное право. Каждая крестьянская семья была приписана к соответствующему колхозу или производственному предприятию. Для усиления административной привязки прибегали к коллективизации собственности. Первоначальная коллективизация в 30-е годы распространялась не только на землю и средства производства, но и практически на всю собственность семьи. Затем крестьянским семьям была возвращена часть собственности: приусадебные огороды, домашняя птица, мелкий скот (кролики, козы). Но на протяжении трех первых десятилетий существования колхозов крестьяне не получали за свою работу денежного вознаграждения. Практиковалась натуральная оплата с помощью особой расчетной единицы — трудодень. В трудоднях исчислялось количество выдаваемых каждому работнику продуктов, включавших в себя зерно, масло, сахар и т. д. Деньги крестьяне могли получать, только продавая то, что получено на трудодни. Время от времени проводились кампании, лишавшие крестьян источников самообеспечения. Например, одна из хрущевских реформ предусматривала введение денежного налога на фруктовые деревья при одновременном запрете реализовывать фрукты, выращенные в собственном саду на рынке, что привело к мас-

совой вырубке фруктовых деревьев. Таким образом, крестьяне, владевшие собственным жильем, оказывались в еще более трудном положении, чем городские жители, будучи лишенными не только правовых основ личной свободы, но и экономических. Единственным способом обрести относительную личную свободу для крестьян был либо призыв в армию, либо поступление в высшее учебное заведение с последующим трудоустройством в городе.

На фоне такого практически крепостного образа жизни среди крестьян ускоренными темпами распространялось образование. В 20-30-е годы была развернута программа ускоренной ликвидации безграмотности. Даже начальный уровень образования позволял крестьянам осознавать всю архаичность и несправедливость своего положения. Поэтому мечтой практически каждого сельского жителя стало переселение в город. В конечном итоге это привело к массовому убеждению во второсортности крестьян как граждан, и статус сельского жителя стал рассматриваться как жизненная неудача и несчастье. Таким образом были подорваны психологические основания для существования сельских общин и сообществ.

Культурная революция, воспитание нового человека и образование

Еще одним важнейшим механизмом разрушения сообществ как формы жизни людей и их самоорганизации, механизмом, действующим на уровне личности (ценностей, взглядов, образа жизни, традиций), были советская культура и образование. Когда в последние десятилетия СССР бытовало распространенное убеждение, что советское образование лучшее в мире, то у этого убеждения были свои серьезные основания. Наверное, ни одно другое правительство в мире не уделяло такого большого значения образованию, как советская власть на протяжении всего своего существования. Причем образование понималось достаточно широко. Образованию, воспитанию, а точнее перевоспитанию народа придавалось первостепенное значение в закреплении и удержании власти.

С самого начала перед советской властью ставились задачи не только «индустриализации», «коллективизации», но и «культурной революции». *Под культурной революцией понималось воспитание нового человека, который бы хотел, умел и любил жить при социализме.* Лидеры большевиков хорошо понимали, что человек предшествующей эпохи не может полюбить социализм и, наверное, даже не может научиться (заставить себя) жить при социализме. Фактически задача воспитания нового человека решалась с помощью трех типов средств.

1. Первый тип средств напрямую выводится из философии исторического и диалектического материализма. Поскольку «бытие определяет сознание», то для формирования определенного сознания необходимо организовать определенные, соответствующие ему условия бытия. Собственно то, что мы описали выше, частично характеризует создаваемые советской властью условия бытия. Это были условия жизни и деятельности советских людей в разных проявлениях, начиная от участия в политической жизни (принцип формирования партии, самоуправление) и заканчивая регламентацией частной и личной жизни через проектирование жилой среды. Эти условия бытия были призваны разрушить или существенно видоизменить традиционные социальные институты, на которых базируются европейское общество, европейские нации: институт частной собственности, институт права, институт семьи, институт личности и т. д.

2. Даже наиболее ортодоксальные марксисты-ленинцы понимали, что хоть бытие и определяет сознание, но сознание характеризуется некоторой вязкостью, инертностью и консервативностью. Поэтому бытие его определяет не сразу, не всегда и не полностью, а значит, нужны какие-то иные средства контроля над сознанием помимо создания условий для бытия (жизни и деятельности). В качестве такого средства контроля над сознанием стали использовать насилие. Собственно насилие всегда сопровождало войны и всегда было присуще государству как институту подавления одних групп людей другими. Но только большевики (даже не якобинцы времен Великой французской революции) впервые стали использовать насилие не как средство защиты, нападения, наказания или устрашения (т. е. традиционные способы употребления), а в качестве инструмента контроля сознания и воспитания/перевоспитания больших социальных групп. *Большевики придали насилию индустриальный характер.* Так они использовали концентрационные лагеря, изобретенные британскими оккупационными войсками в южной Африке, но сделали их не разовым мероприятием на оккупированных территориях, а способом мобилизации трудовых ресурсов и школы для массового перевоспитания и т. д. На протя-

жении всей истории Советского союза волны насилия то вспыхивали, то затухали, но никогда не прекращались совсем. Частично с помощью насилия были уничтожены носители неудобных для советской власти образов жизни, частично через устрашение населению вменялись элементы необходимого образа жизни.

3. И, наконец, третий тип средств, воспитания нового человека — это непосредственно образовательные средства. Вся система образования в Советском союзе традиционно называлась народным образованием и просвещением. Народное образование — это достаточно точная формулировка, поскольку советские лидеры и идеологи были заинтересованы именно в *массовом* и *однородном* образовании для всех без исключения советских людей. Просвещение же они понимали в духе французской буржуазной революции. Понятно, что якобинская трактовка просвещения предполагала не только комитеты гражданского спасения и гильотину, но и бесплатные массовые школы, массовую агитацию и пропаганду. Сфера последней простиралась от монументальной пропаганды в архитектурных формах до содержания колыбельных песенок. Воспитанию советского человека вожди и идеологи коммунизма подчиняли и средства массовой информации, и искусство, и даже укоренившуюся в народе религиозность. Кино, театр, популярная музыка, поэзия и литература — все жанры искусства мобилизовывались и организовывались для выполнения задач культурной революции. Бурный период эстетических творческих поисков закончился к середине 20-х гг. После чего все, продолжавшие эстетические поиски и эксперименты, могли продолжать их в концлагерях, а магистральная линия развития советского искусства — социалистический реализм — четко отслеживалась и управлялась партийными органами.

Собственно образование, т. е. организация школ всех типов и уровней, тоже пережила период творческих поисков и экспериментов. В советском союзе были опробованы практически все модные в те времена в мире педагогические дидактические и организационные идеи, а многое в те годы было изобретено и увидело свет впервые. Но к середине 30-х годов советская власть определилась со своим выбором: плюрализм и все дидактические поиски и эксперименты были

прекращены. Вся система образования Советского Союза от Минска до Дальнего Востока строилась как *единая общеобразовательная политехническая школа.* В рамках этой единой школы была достигнута беспрецедентная стандартизация содержания образования, форм и методов обучения. Личностные и профессиональные качества педагогов усреднить было невозможно, но единство учебного плана практически не позволяло педагогам проявлять свои качества и способности. Зато позволяло добиться такой стандартности и согласованности, что ученик из сельской школы в Сибири мог перейти в столичную школу и продолжить обучение с того места, на котором он прервал свои занятия в старой школе.

Стандартизация и унификация средней школы выступала образцом для построения школ других типов и уровней: дошкольной, средней специальной, высшей. Однако там таких успехов никогда достигнуто не было. *Главным продуктом советской школы были не знания, навыки, умения, квалификации учащихся, а личность выпускника.* Эта личность описывалась в разного рода магических категориях вроде «гармонично всесторонне развитой личности», «политически грамотной» и «морально устойчивой» личности. В начале 60-х годов был даже принят стандарт для такой, получивший название «Морального кодекса строителя коммунизма». Несмотря на ритуальный декларативный характер описания личности выпускника советской школы и то, что его воплощение никогда практически невозможно было встретить в реальности, все же основная задача воспитания новой личности советской школой выполнялась. Правда, конечный результат описывался совсем в иных терминах и категориях. Некоторые весьма приблизительные описания этого типа личности известны с давних времен, начиная с художественных образов Элиаса Канетти, гротескных описаний Оруэлла и заканчивая формализованными математизированными формулами В. Лефевра. Эта личность характеризуется безынициативностью и зависимостью от коллектива. *Советский человек практически не способен к автономной индивидуальной жизни и нуждается в коллективе, но с другой стороны коллектив, состоящий из таких индивидов, не способен к самоорганизации.*

Эта особенность советского коллективизма имеет особое значение в рамках нашей темы. Индивидуальный член советского коллектива, вливаясь в него, утрачивал субъектность, то есть подчинял свои интересы и цели интересам и целям коллектива. Но и коллектив никогда не становился полноценным субъектом, он обязательно направлялся директивами извне. Важно понимать, что и человек отдельно, и коллектив в результате советского образования и проводимой культурной политики утрачивают способность целеполагания. И индивид, и коллектив утрачивают способность к рефлексии, поэтому они не понимают происхождение целей, считают их само собой разумеющимися и естественно присущими коллективам, причем важно, что цель приписывается именно коллективу, а не индивидуальному человеку, не личности. Поэтому советские люди, будучи объединенными в коллектив, легко и безропотно работают на достижение таких целей, которых не разделяет ни один из членов этого коллектива.

Советских людей с детских лет учили жить в коллективе, подчинять коллективу свою волю, следовать за коллективом и жертвовать многим ради коллектива. Но никогда: ни в детстве, ни во взрослом состоянии — их не учили создавать сообщества, ставить и анализировать цели.

Первая попытка обучать советских студентов менеджменту (в состав профессиональных качеств менеджера входят и целеполагание, и умение создавать и организовывать коллективы и сообщества) была предпринята в середине 60-х гг., когда академик Трапезников, вернувшись из Америки, при покровительстве Хрущева попытался создать институт управления. Через несколько лет этот институт при сохранении названия начал учить тому же, что и все советские вузы – производственным технологиям. Управленческие навыки и умения советские люди получали, делая карьеру в детских и юношеских подразделениях коммунистической партии (октябрята, пионеры, комсомольцы). Карьера в этих организациях, безусловно, способствовала приобретению практических навыков командования людьми. Командования, но не управления, по-

скольку для управления необходимы еще и теоретические знания о собственной управленческой деятельности. Отсутствие таких теоретических знаний являлось главной отличительной особенностью советских политических лидеров и партийных вождей. Поэтому советская и партийная иерархия создавались не через образование и повышение квалификации, а посредством естественного отбора.

Единственной и общей для всех советских и партийных функционеров целью было движение наверх по карьерной лестнице. А продвижение на ступеньку выше достигалось в случае успеха возглавляемого лидером коллектива. Каждый советский лидер стремился привести руководимый им коллектив к успеху, успех же определялся не целями, потребностями, нуждами коллектива, а тем, чего требовал вышестоящий лидер. Такая практика требовала соответствующих установок у лидера и соответствующего образования. *Советские люди учились игнорировать собственные нужды, цели и устремления и достигать навязанные извне цели.*

Культивирование такого типа образования привело к шоку и беспомощности в конце перестройки, в тот период, когда бывшие советские республики обрели независимость и должны были сами определять цели и пути дальнейшего развития. В России и некоторых других странах единственной категорией населения, способной к целеполаганию и самоорганизации оказались криминальные элементы. Они и доминировали в общественной жизни на протяжении нескольких лет в начале 90-х гг. В трех странах Балтии коллективы и общественные структуры ассимилировали внешние цели, которые несли на себе либо старшие поколения, учившиеся не в советской школе, а еще до 40-го года, либо возвращающиеся в страну эмигранты, а также европейские государственные и негосударственные организации, фонды. В Беларуси достаточно быстро восстановилось авторитарное патерналистское государство, которое стало источником целеполагания для отдельных коллективов и всего населения. Достаточно быстро режиму удалось вернуть к исходному советскому состоянию и всю систему образования. В

результате к проявлению собственной инициативы и к самоорганизации в большей или меньшей степени готовы только поколения, закончившие школу в начале и середине 90-х гг., а также маргиналы, представляющие собой «брак и отходы» советской системы образования.

Таковы условия и факторы, приведшие к тому положению, с которым мы имеем дело в настоящий период в Беларуси. Этот краткий экскурс в недавнее прошлое позволяет восстановить картину всестороннего и многопланового уничтожения местных сообществ. Они были не просто вытеснены другими способами социальной организации. Способность к самоорганизации уничтожалась как образ жизни, как способ мышления и действия. И фактически была уничтожена до такой степени, что отсутствие собственных целей, потребительские и выжидательные установки воспринимаются жителями сегодняшней Беларуси как естественные. Такая обстоятельная констатация отсутствия местных сообществ требуется нам для того, чтобы не принимать желаемое за действительное, примеряя разработанные и применяемые в демократических странах методы развития сообществ. Но она и не является основанием для отказа от работы с местными сообществами. Констатируя и понимая это состояние местных сообществ в Беларуси, мы будем принимать его как обстоятельство нашей деятельности.

II. Пути и способы работы с местными сообществами

Исследование действием

Все рассуждения о том, что нечто существует, или не существует, или существует в каком-то неправильном виде, должны заканчиваться констатацией или выводом. Все многообразие выводов можно расположить между двумя смысловыми полюсами: от «если чего-то нет, то так оно и должно быть» до «с таким положением мириться нельзя и необходимо все изменить». Мы склоняемся ко второму полюсу, что в данном случае означает следующее: подробное описание и доказательство, что в современной Беларуси сообществ нет, необходимо нам для выработки стратегического тезиса: нельзя развивать несуществующее, но его можно создать заново или просто создать. Многочисленные попытки развивать сообщества в Беларуси, предпринимавшиеся последние полтора десятка лет, не имели успеха именно потому, что пытались развивать советские коллективы (или иные формы объединения людей), принимая их за сообщества, аналогичные тем, что существуют в Европе, или тем, что существовали в Беларуси в досоветский период. Мы же, приходя к выводу, что советские формы объединения людей коренным образом отли-

чаются от сообществ, характерных для «открытого общества» или даже традиционного европейского общества, понимаем, что характерные для советского периода коллективы могут развиваться или изменяться в советских же формах и рамках. Сообщества же, как элементы для демократического или открытого общества необходимо создавать заново, пусть даже из тех же самых людей, из которых состояли прежние советские коллективы.

Но как только мы приходим к такой постановке задачи, оказываемся перед проблемой: а как создаются сообщества там, где их нет и не было. Из чего их можно создавать? Это серьезная методологическая проблема. В Европе специалисты практически не сталкиваются с такой проблемой. Они всякий раз имеют дело с уже существующими сообществами, пусть не развитыми, иногда примитивными, иногда с отклонениями и пороками. Мы же встаем перед необходимостью создавать сообщества из чего-то, что сообществом не является. Можно ставить эту проблему теоретически, то есть пытаться построить теорию сообществ, дать им определение. Дать определение также другим формам объединения людей в большие и малые группы. Мы не сбрасываем со счетов теоретический подход, но сейчас нас интересует не теоретический, а методологический и деятельностный аспект. Как и из чего можно заново организовывать сообщества?

Мы исходим из представления, что теоретическая и методологическая постановка проблемы могут рассматриваться независимо друг от друга. А решение теоретических и методологических проблем может разворачиваться одновременно, обогащая друг друга при необходимости. Так селекционеры выводили новые породы животных и сорта растений за много веков до того, как появились теории отбора Дарвина или генетика Менделя. И Дарвин, и Мендель учитывали методы селекционеров при разработке своих теорий так же, как селекционеры обогатили и развили свои методы благодаря ознакомлению с теорией.

В нашем случае мы сталкиваемся с теоретической дилеммой, которая гласит, что все происходящее с людьми определяется либо

правилами, нормами, принципами, внешними условиями жизнедеятельности людей, либо человеческими качествами. Если верно первое, то тогда отсутствие сообществ в Беларуси определяется какими-то специфическими условиями, или факторами беларусской жизни, или же нормами и принципами, мешающими организации сообществ. Если верно второе, то следует допустить, что беларусы наделены какими-то особыми качествами, мешающими им объединяться в сообщества и создавать сообщества.

Мы не имеем удовлетворительного исследовательского или эмпирического знания и материала, чтобы определиться с выбором из этой дилеммы. Но мы предполагаем, что есть возможность заниматься практическим созданием сообществ, не дожидаясь, пока теоретики и исследователи дадут точное объяснение причин их отсутствия в стране. При этом мы понимаем важность такого исследования и видим возможность своего вклада в него через так называемое «исследования действием», то есть получение знаний в ходе реализации практических действий.

На уровне здравого смысла понятно, что знание должно предшествовать деятельности. В свою очередь знание каким-то образом должно быть получено. В социальных проектах, в реформах и даже в локальных социальных трансформациях деятель часто сталкивается с неисследованностью той сферы или тех объектов, с которыми ему приходится иметь дело. Если бы такому деятелю приходилось ждать, пока исследователи принесут ему готовое знание, то большая часть действий была бы невозможна. В таких ситуациях действия предшествуют знанию. Здравый смысл примеряется с таким нарушением последовательности, руководствуясь принципом, который по аналогии можно описать примерно следующим образом.

Современные туристы и путешественники перед путешествием составляют маршрут по имеющимся картам. Карта — это знание, предшествующее реальному путешествию. Но карты составлены людьми, которые когда-то впервые посещали неисследованные местности. Первопроходцы и пионеры могут быть прообразом исследования действием.

Планета ограничена в пространстве, поэтому мы можем иметь карты любой местности. Представим себе, что рельеф и ландшафт планеты изменялся бы не в течение геологических эпох, а на протяжении жизни одного поколения. Тогда пионеры и первопроходцы нужны были бы каждому новому поколению людей. Понятно, что в географии в этом необходимости нет, но в социальной действительности все иначе. Каждое новое поколение деятелей сталкивается с неисследованной социальностью. Стабильное неизменное общество существует только в мечтах и идеальных представлениях, да и то только у сторонников «закрытого общества». Деятели, принимающие идеалы «открытого общества», понимают, что им приходится действовать в ситуации перманентных изменений и приходится иметь дело всякий раз с новой формой социальности. Поэтому исследование действием — это метод, единственно возможный в условиях трансформирующихся и реформируемых обществ и распространенный среди других методов в открытом обществе. От обычного действия, которому предшествует знание об объекте, на который это действие направлено, исследование действием отличается:

1) осознанием отсутствия знания об объекте или, по крайней мере, его недостаточности;

2) готовность к действию в условиях неопределенности и недостаточности знания;

3) рефлексивность и осознание важности обратной связи в структуре действия;

4) раздвоенность целей: действие направлено как на достижение результата, так и на получение нового знания.

Это общее рассуждение об исследовании действием применительно к нашей теме и означает следующее.

1. Мы мало, очень мало знаем о сообществах и социальной жизни в Беларуси, особенно за пределами столицы. И мы не должны выдавать это недостаточное знание за полноценное и достаточное.

2. Мы должны быть готовы действовать, то есть создавать или развивать сообщества в Беларуси, принимая как данность недостаточность нашего знания и не откладывать наши действия до тех пор, пока недостающее знание будет кем-то получено.

3. Проектируя и планируя собственные действия, мы должны быть очень осторожны, не совершать необратимых действий, чтобы любую ошибку, обнаруженную в обратной связи, можно было вовремя исправить.

4. Мы должны понимать, что ценным в наших действиях является не только достижение результата, то есть создание и развитие сообществ, но и новое знание, в том числе знание об ошибках и неудачах, которым мы сможем поделиться с другими деятелями гражданского общества, создающими и развивающими сообщества.

Практика «живое от живого»

Итак, наш подход к задаче воссоздания местных сообществ в Беларуси будет строиться не на знаниях о сущности и устройстве сообществ, законах их возникновения и развития, а на простом практическом предположении, что *люди, жившие в сообществах, могут и будут транслировать свой опыт, нормы и правила такой жизни в ходе решения насущных проблем.* Мы исходим из того, что люди адаптивны и обучаемы. Если человек волею судьбы или обстоятельств попадает в существующее уже сообщество, он приспосабливается к нему, научается правилам и нормам, необходимым для жизни в сообществе. Это старинная практика, известная как культурная ассимиляция, или, в более современных формах, как интеграция. В Европе и Америке практика интеграции используется уже несколько десятилетий. Обычно ее описывают и трактуют, как альтернативу сегрегации и апартеиду. Мы же сейчас рассматриваем эту практику в другом аспекте: как возможность порождения сообществ, или, говоря образно, их «почкования». Практика интеграции, при которой лица иной расы или лица с ограниченными возможностями включаются в группы и коллективы, занятые некой единой деятельностью или совместным обучением, и через это они сами обучаются и усваивают иные групповые нормы и принципы жизни и деятельности, так и «старые» члены сообществ и участники групп научаются принимать лиц иной расы, культуры,

религии или лиц с ограниченными возможностями такими, как они есть и равными себе. Исходя из таких представлений, мы предполагаем, что возможной и успешной в плане создания и организации сообществ в Беларуси может быть следующая практика:

1. Люди интегрируются в уже существующие живые и функционирующие сообщества.

2. Такие интегрированные сообщества численно и количественно растут.

3. При достижении некоторой критической массы сообщество делится (или «почкуется»), после чего два (или более) образовавшихся новых сообщества продолжают жить и функционировать самостоятельно.

Такая практика кажется нам простой и очевидной. Мы называем ее *«живое от живого»*. И в силу такой простоты и очевидности она может оказаться успешной. Но есть одна проблема: откуда взять исходные сообщества, в которые можно начать интегрировать людей, не имеющих опыта жизни и деятельности в сообществах. В первом разделе мы подробно и, как нам кажется, убедительно старались показать, как советская власть планомерно и методично уничтожала сообщества. Вывод, к которому мы приходим, что советской власти это удалось, справедлив в полной мере по отношению к территориальным и местным сообществам. Для того чтобы приступить к реализации практики «живое от живого», мы должны найти, обнаружить такие сообщества, которые либо смогли пережить культурную революцию советского периода и сохраниться хоть в каком-то виде, либо могли возникнуть уже после того, как действия советской власти перестали быть эффективными.

Задача поиска и обнаружения таких сообществ тоже требует серьезных исследований. Для практических же нужд мы можем предположить следующее. Существуют, по крайней мере, несколько типов таких сообществ, которые не смогли разрушить при советской власти, несмотря на все усилия.

Главным образом это **религиозные общины**. Возможно, что существуют и иные столь же стойкие типы сообществ, например, родоплеменные группы в Средней Азии или на Кавказе, но для Беларуси это не так актуально.

Советской власти не удалось до конца справиться и с **преступными сообществами**. Несколько раз на протяжении своей истории советская власть утверждала, что ей удалось ликвидировать организованную преступность (например, после ликвидации НЭПа в 30-ых годах, в начале 50-х после ликвидации послевоенной разрухи), но сразу же после этих сомнительных побед организованная преступность возникала в новых формах. Мы не беремся судить, было ли это приспособлением преступных сообществ к новым условиям или же они возникали всякий раз заново, но для нас это не так актуально, поскольку в нашей практике мы не можем обращаться и апеллировать к сообществам этого типа.

На протяжении всей истории своего существования советская власть пыталась подавить и уничтожить **профессиональные сообщества**, но она же и нуждалась в этих сообществах, поэтому старалась не уничтожать их совсем и подавляла с целью сделать подконтрольными. Однако если профессиональные сообщества (включая научные и творческие) и сохранились до наших дней, то они настолько слабы, что представляют для нас очень слабенький интерес. Во всяком случае, на протяжении всего периода независимости Беларуси ни одному профессиональному сообществу не удалось продемонстрировать какие-нибудь признаки жизнеспособности.

В эпоху Перестройки движущей силой процессов изменений были группы людей, получивших название «неформалы». Можно предположить, что **объединения неформалов** являлись хотя бы в некотором смысле сообществами, по крайней мере, некоторые из них проявляли признаки самоорганизации и активности в отношениях между собой, с государством, властями и т. д. Многие неформалы прекратили свое существование вместе с концом Перестройки. Некоторые из них растворились в политических движе-

ниях, некоторые послужили началом организации третьего сектора. Однако, может быть, какие-то из них дожили до нашего времени. История появления неформалов восходит к периоду «хрущевской оттепели» (конца 50-х годов). Первоначально это было чисто внешнее подражание некоторым западным движениям (битники, хиппи и др.). Затем с постепенным ослаблением «железного занавеса» советские «неформалы» начинали общаться с себе подобными в Европе, и если какие-то из этих движений являлись экстерриториальными сообществами или протосообществами, то и их советские подражатели постепенно осваивали нормы и принципы их поведения. Не всегда эти движения имели позитивное продолжение, некоторые попросту вырождались, другие были крайне незначительными, но, тем не менее, их нельзя совершенно сбрасывать со счетов.

Еще одно специфическое явление, которое с некоторой долей условности можно рассматривать как сообщество или протосообщество – это **диссиденты и некоторые клубы, организованные по профессиональному принципу или по увлечениям**. Например, научные кружки, туристические клубы, клубы самодеятельной песни и им подобные. Даже если подобные образования только с долей условности можно рассматривать как сообщества, тем не менее, они были школой (пусть и самой начальной) иного образа жизни, школой самоорганизации, инициативности, равноправия, демократичности и солидарного отстаивания своих интересов.

Таким образом, в реализации практики создания и организации сообществ «живое от живого» мы можем рассчитывать на сотрудничество с некоторыми сообществами или протосообществами и находимся в конфронтации и конкуренции с рядом других общественных организованностей. Нашими партнерами и союзниками являются религиозные общины, экстерриториальные профессиональные сообщества, устойчивые, долговременно существующие клубы, а также те организации третьего сектора, которые либо возникли на базе каких-то сообществ, либо созданы ими. Нашими

же «врагами» и конкурентами являются преступные сообщества и квази-институциональные образования, сохранившиеся с советских времен, например, колхозы, советские профсоюзы, так называемые государственные общественные организации (ДОСААФ, Общество ветеранов, Союз женщин, Красный крест, пионерские и комсомольские организации, БРСМ и т. д.).

Мы должны очень четко понимать, в каком смысле сообщества или протосообщества являются нашими партнерами или союзниками, как и каким образом мы можем с ними взаимодействовать. Ведь мы должны четко осознавать, что ни одна религиозная община, например, не будет выступать инструментом или средством решения чьих-то задач и достижения чьих бы то ни было целей, кроме своих собственных. Точно так же и другие организации и сообщества, коль скоро они хоть в какой-то степени несут на себе признаки сообществ. Поэтому в полной мере нашими партнерами могут быть только те сообщества, общины или организации, которые разделяют наши цели и подход – то есть установку на возрождение сообществ в Беларуси. Но и все остальные важны и интересны нам постольку, поскольку люди получают в них опыт жизни в сообществах. Мы же можем находить взаимопонимание с теми людьми, у которых уже имеется такой опыт.

От экстерриториальных к местным сообществам

Технология и практика работы по организации сообществ «живое от живого» предполагает, что люди приобретают опыт жизни в сообществах, становясь членами или участниками уже существующих, в первую очередь, экстерриториальных сообществ, а затем переносят и реализуют полученный опыт в своей местности, организуя местные сообщества. Чтобы мы могли рассчитывать на успех своей практики, мы должны быть уверены в том, что опыт жизни в сообществах принципиально переносим из экстерриториальных сообществ в местные. Попробуем разобраться, что есть общего у экстерриториальных и местных сообществ и чем они отличаются. Мы предполагаем, что и экстерриториальные и местные сообщества:

а) строятся и объединяются на основе общих интересов;

б) способны к самоорганизации и выращиванию автономных структур управления сообществами;

в) способны к воспроизводству и длительному существованию через смену и преемственность поколений;

г) способны принимать на себя ответственность за нечто, чем сообщество владеет, распоряжается или имеет в собственности,

то есть быть хозяином в зоне своей ответственности и своих интересов.

В то же время экстерриториальные и местные сообщества существенно отличаются друг от друга:

— Интересы местных сообществ лежат скорее в сфере обеспечения жизни, тогда как интересы экстерриториальных сообществ лежат либо в сфере деятельности, либо в сферах идей, отдыха, духовных исканий и т. д. Поэтому участники экстерриториальных сообществ в меньшей степени нуждаются друг в друге, привязаны друг к другу, в меньшей степени ощущают потерю или исключение кого-то из своих членов.

— Совместное владение и распоряжение в экстерриториальных сообществах скорее виртуально, тогда как в местных сообществах оно зримо и телесно (дороги, территория, недвижимость, природные ресурсы). Виртуальные же владения экстерриториальных сообществ — это сфера идей, норм, культурных и духовных ценностей. Поэтому коммуникация в экстерриториальных сообществах сложнее и интенсивнее, в местных же сообществах она понятнее, яснее, обыденнее. Эти особенности коммуникации и дискурса несколько затрудняют взаимопонимание между членами экстерриториальных и местных сообществ и могут препятствовать переносу опыта из одного в другое.

В обычной ситуации люди могут быть (могли бы быть и Беларуси, если бы не описанные выше исторические обстоятельства) членами экстерриториальных и местных сообществ одновременно, не перенося опыта, приобретаемого в одних сообществах на другие. Точно так же, как они могут быть одновременно членами нескольких экстерриториальных сообществ. Например, быть членом религиозной общины, спортивного или туристского клуба и профессионального сообщества, разграничивая и не путая нормы этих сообществ между собой. Понимая это, мы должны понимать и то, что перенос опыта в другие ситуации не является автоматическим, мы должны его организовать, а это возможно только через *рефлексию и осознание*. Поэтому наша ситуация требует несколько

иных действий, нежели это происходит в обычных ситуациях, где у людей с детских лет существует опыт жизни в сообществах. *На всех этапах деятельности по организации сообществ мы должны стимулировать обсуждение людьми приобретаемого опыта, обмена соображениями по поводу этих приобретений и планирования действий по переносу приобретенного опыта в другую ситуацию.* Причем на каждом этапе этой цепочки обсуждение необходимо вести по-разному, помня, что дискурс в экстерриториальных сообществах по поводу виртуальных объектов и ценностей сильно отличается от дискурса местных сообществ.

Не вдаваясь в теоретические и методологические тонкости различий между самими экстерриториальными и местными сообществами, а также в различия их дискурсов, попробуем найти то общее, что создает возможность переноса опыта между ними. В самом общем виде подсказку в этом поиске можно увидеть в лозунге устойчивого развития, сформулированном в 1992 году: *мыслить глобально, а действовать локально*. В каком-то смысле экстерриториальные сообщества потому и не привязаны к территории, к месту, что их интересуют общие глобальные проблемы. Но это до тех пор, пока такие сообщества не ставят перед собой реализационные, практические цели. Например, размышления о техногенном загрязнении окружающей среды непременно предполагают всемирный масштаб, историю цивилизации и историю техники вообще. Но субъектами подписания Киотского протокола могут быть правительства конкретных стран. То есть реализация конкретной программы сокращения промышленных выбросов в атмосферу уже привязана к местности. Если еще более конкретизировать, то реализация самого Киотского протокола уже опускается на локальный уровень. На этом примере можно видеть, что практически любая проблема может иметь несколько измерений: глобальный (экстерриториальный) масштаб, страновой (национальный) и локальный (местный). При этом решение такого рода проблем возможно только в комплексе, но не может быть найдено только на одном из названных уровней (только в национальном или только в локальном масштабе).

Применительно к нашей теме это рассуждение выглядит следующим образом – *жизнеспособность и действенность экстерриториальных сообществ в Беларуси обеспечивается их вовлеченностью в мировые транснациональные процессы.* Через эту вовлеченность беларусские экстерриториальные сообщества сохраняют преемственность норм и традиций и способны переживать даже очень трудные времена. Поэтому только эти сообщества и имели возможность сохраниться или же возродиться, так как основания и нормы, объединяющие членов этих сообществ, транслировались и вне советского общества. В этом причина их жизнеспособности, в отличие от территориальных сообществ, основанием существования которых является привязка к местности. Которая и была разрушена в период советской власти. Но это относится к жизни экстерриториальных сообществ, но не к их деятельности и практике. *Для успешной деятельности необходимо определение зоны ответственности сообщества, или ее локализация.* С этим обстоятельством у беларусских экстерриториальных сообществ возникают большие проблемы.

Правда, не всегда беларусские организации, представляющие те или иные сообщества, стремятся к локализации и выделению собственной зоны ответственности. Казалось бы, очевидно, что реализовывать свои цели экологические, образовательные, молодежные и др. организации могут именно в Беларуси и в беларусских условиях. Но по большей части они предпочитают не привязываться к беларусской реальности. Под это даже подводится определенная теоретическая база. Ссылаются, например, на деятельность «международной амнистии», члены которой проявляют активность за пределами своей страны и тем самым быстрее и успешнее достигают своих целей. Другой пример – это движение антиглобалистов. Так беларусские антиглобалисты являются постоянными участниками акций в других странах и даже не пытаются провести их в Беларуси. Третий пример и аргумент заимствуется из советского прошлого, связанного с коммунистическим интернационалом, для которого «борьба за мир во всем мире» велась, не обращая внимания на локальные войны и агрессию, а «мировая революция» и ус-

тановление справедливости в глобальном масштабе было важнее тоталитаризма и попрания справедливости в своей стране. Сегодня такое же отношение характерно для организаций, движений и сообществ, опирающихся на идеологию панславизма или славянофильства.

И последний аргумент, который в беларусских экстерриториальных сообществах привлекается против локализации своей активности, чисто эмпирический — многочисленные предшествующие попытки были неуспешными. И дело не только в том, что экстерриториальные сообщества или представляющие их организации просто не хотят повторять неуспешные попытки. А в том, что всякая локализация, принятие на себя ответственности за реализацию каких-то общих целей в одном конкретном месте ослабляет сообщества, делает их уязвимыми для противников. Авторитарный беларусский режим не настолько силен, чтобы уничтожить все проявления гражданского общества. С какими-то проявлениями он вынужден мириться, но он становится совершенно непримиримым к любым попыткам установить альтернативное государственному влияние, пусть даже в очень локальных масштабах. Руководствуясь этой установкой, режим действует не только против экстерриториальных сообществ и представляющих их НГО, но и против бизнеса, ограничивая приватизацию и частную инициативу. Можно даже найти параллели в отношении режима к бизнесу и третьему сектору. В бизнесе атакам со стороны режима подвергаются предприятия, владеющие недвижимостью или привязанные к какой-то территории. Экстерриториальный же бизнес оказывается более свободным и в меньшей степени попадает в поле внимания властей. Точно так же и структуры гражданского общества. Повышенное внимание со стороны репрессивного режима обеспечено тем структурам, организациям и сообществам, следы деятельности которых могут быть замечены в какой-то местности.

Фактически мы можем констатировать, что наиболее общая установка режима заключается в том, чтобы не допустить возникновения какого бы то ни было иного деятеля на подконтрольной ему территории. Он стремится оставаться единственным моно-

польным субъектом деятельности на всей территории Республики Беларусь, как это было свойственно в свое время советской власти. Таким образом, создание и развитие сообществ оказывается стратегической альтернативой существующему режиму. Деятели и идеологи режима понимают это именно таким образом. К сожалению, далеко не всегда такое понимание присутствует у их оппонентов. Чаще всего, те, кто ставит для себя задачу работать с местными сообществами, размышляют и бьются над техническими проблемами и вязнут в этих вопросах, не понимая причин неудач.

Возвращаясь к модели устойчивого развития (мыслить глобально, действовать локально) применительно к организации и развитию сообществ, мы должны наполнить конкретным смыслом и содержанием представления **«о чем и как мыслить, где и как действовать»**. Размышляя о создании и развитии местных сообществ, мы замысливаем кардинальные перемены в национальном (страновом) масштабе (это, конечно, не глобальный, но достаточно большой масштаб, чтобы не допускать непосредственного действия). Задуманное в таком масштабе действие затрагивают радикальное изменение качества и образа жизни. И такой замысел есть и будет оставаться не реалистичным и утопичным, если действия в рамках этого замысла не будут конкретизированы до качества и образа жизни маленьких местных общин и каждого отдельного человека. *Влиять на качество и образ жизни отдельных людей и общин способны только местные сообщества, но они это делать не могут, не будучи связанными замыслом с экстерриториальными сообществами.* Нельзя действовать, не мысля. Мыслится трансформация всегда в национальном масштабе, и эта мысль приводится в действие всегда локально. Одно без другого не действительно. Экстерриториальные сообщества в Беларуси возможны и существуют благодаря включенности в глобальные процессы, но они бездеятельны, не имея представленности в местных сообществах. В свою очередь, местные сообщества не могут возникнуть без связи и поддержки со стороны экстерриториальных. А возникнув, они не способны к самостоятельному существованию и выживанию в сложных условиях без сохранения этой связи.

Тем не менее, экстерриториальные сообщества, небольшие группы людей или даже отдельные представители сообществ и движений время от времени пытаются локализовать свою активность, привязать свою деятельность к конкретной местности. Эти попытки не только встречают отпор со стороны беларусских властей, но и сталкиваются с консолидированной отрицательной реакцией местного населения, воспринимающего локальную деятельность сообществ либо как неприемлемое новаторство, либо как враждебную попытку приватизации того, что местные жители привыкли считать государственным (в советском смысле это означает одновременно общим и ничьим).

Поэтому еще раз обратим внимание на факторы, препятствующие образованию и развитию сообществ. В силу всего вышесказанного мы обязаны видеть, что эти факторы не только и не столько объективного характера, сколько субъективного. Перефразируя известное выражение К. Поппера («Открытое общество и его враги»), мы можем говорить о попытках в Беларуси организовать сообщества и о врагах этих попыток. Говоря о врагах открытого и гражданского общества в Беларуси, следует иметь в виду не только режим, но и консолидированное мнение большей части местного населения. Дело в том, что действия на местном уровне, направленные на создание сообществ, определяются «глобальным мышлением», то есть господствующими в Европе представлениями о демократии, об открытом и гражданском обществе, правах человека и т. д. И все эти действия наталкиваются на сопротивление советского мышления, претендующего на не менее глобальный уровень и отрицающего все ценности демократии, прав человека и т. д. На локальном, местном уровне борьба за создание и развитие сообществ может вестись с конкретными персонажами, чиновниками или местными авторитетами. В национальном же и страновом масштабе эта борьба современного европейского и советского мышления. Отсюда конкретные действия на местном уровне должны быть настолько же соотнесены и согласованы с процессом десоветизации, насколько противонаправленные им действия соотнесены и согласованы с советским мышлением и менталитетом.

Тем самым мы можем добавить еще один штрих к порядку и программе действий по созданию и развитию местных сообществ. Всех участников местных проектов, в первую очередь, лидеров, менеджеров и активистов необходимо вовлекать в общее мышление (чтобы их локальные действия были успешными, им необходимо глобально мыслить), это общее мышление можно обозначить единым термином – десоветизация. Без отказа от советских представлений и советской системы ценностей организация местных сообществ невозможна. При сохранении советской системы представлений и ценностей местное население в каждом конкретном случае будет предпочитать привычные советские пути и способы решения всех, даже самых мелких проблем. Решать же даже маленькие проблемы самостоятельно, не обращаясь за помощью к государству и властям, принимая на себя ответственность за собственные решения, гораздо тяжелее, чем пользуясь покровительством властей, которое обеспечивается лояльностью. Самостоятельности еще следует учиться, и даже обучение не снимает рисков и ответственности за ошибки. Для того чтобы сменить привычный образ жизни, отказаться от поведенческих стереотипов и устоявшегося образа действий, необходима очень сильная мотивация. Мотивация, которая способна вызвать общенациональное движение, которое могло бы стимулировать и подпитывать местные инициативы. Иначе силы и энергетика инициативных групп на местном уровне, оказывается, не смогут противостоять режиму и молчаливому большинству населения.

Задачи и направления деятельности, порядок действий

Для того чтобы перейти от описания ситуации, условий и возможностей развития сообществ в Беларуси к постановке задач и представлению методов их решения, следует еще раз в прояснить общую схему-принцип возрождения местных сообществ.

— Развитие местных сообществ возможно только через приобретение людьми опыта жизни в сообществах, опыта особенных социальных отношений.

— Такой опыт в современных беларусских условиях сохранился только в рамках некоторых видов сообществ, в первую очередь, в экстерриториальных.

— Эти «чудом сохранившиеся» очаги жизни сообществ сами требуют поддержки и развития, которые могут быть получены через реализацию идей, объединяющих членов экстерриториальных сообществ в конкретных условиях и локальной ситуации.

— Включение в экстерриториальные сообщества дает людям опыт жизни в сообществах.

— В свою очередь, локальная реализация общих (глобальных) идей на местности может заложить основу для объединения местных жителей вокруг, во-первых, людей, обладающих опытом жиз-

ни в сообществах, а во-вторых, вокруг задачи, «привнесенной» экстерриториальными сообществами, для решения которой нет соответствующих местных структур.

— Присвоение ответственности за решение новой задачи группой в конкретной местности людей создает возможности для возрождения местных сообществ.

— Наличие в местных протосообществах людей, включенных в экстерриториальные сообщества, позволяет транслировать и реализовывать нормы «новых» социальных отношений, распространять опыт жизни в сообществах.

— Взаимодействие между экстерриториальными и местными сообществами увеличивает ресурсы и возможности каждого из сообществ по отдельности, позволяет наращивать социальный капитал и расширять зону ответственности.

Эта схема принимается нами как принципиальная. Из нее вытекает ряд направлений деятельности.

Первое направление — это поиск «живых» сообществ, интеграция в них людей и передача им опыта жизни в сообществах. Реализация этого направления нам видится в двух возможных вариантах:

А) Рассматривать себя самих (АГТ-ЦСИ) вместе с сетью участников нашей прошлой деятельности как экстерриториальное сообщество, интегрировать в себя людей в тех регионах, где мы ведем свою деятельность с целью последующего «отпочкования» местных протосообществ.

Б) Поиск возможных экстерриториальных сообществ или хотя бы протосообществ, а также НГО, которые могут интегрировать в себя новых членов и давать им необходимый опыт жизни в сообществах.

Очевидно, что для реализации этих направлений деятельности требуется решение многих дополнительных задач и выполнение некоторых действий. Среди задач на первый план выходят иссле-

довательские. Например, определение критериев и процедур поиска и отбора как сообществ и протосообществ, так и людей, интегрируемых в них. Отдельной задачей становится определение способов и механизмов интегрирования людей в экстерриториальные сообщества. Кроме того, для реализации данного направления деятельности необходимо самоопределение того или иного сообщества как субъекта деятельности по развитию местных сообществ.

Вторым направлением деятельности является помощь отпочковавшимся местным протосообществам в наращивании социального капитала и жизнеспособности и их поддержка. Это направление строится на установлении взаимных «инфраструктурных» отношений между экстерриториальным и местным сообществами (одним или несколькими). Такого рода отношения предполагают, что одно сообщество может обеспечивать решение определенных задач и проблем для другого. Тем самым повышается социальный капитал каждого из них, так как эта взаимосвязь позволяет одному сообществу стать «сообладателем» некоторой общей собственности, которой владеет другое сообщество.

Третьим направлением деятельности является PR и коммуникация. Популяризация и распространение нашего подхода и опыта. Мы должны как можно шире вступать в коммуникацию с нашими возможными партнерами и союзниками, разъяснять им наш подход и доводить наши цели.

Четвертым направлением, которое следует обозначить отдельно, является анализ и осмысление полученного опыта обратной связи, рефлексия ошибок и достижений, оформление результатов в виде методик, технологий и пособий, пригодных для трансляции.

Пятым направлением является образование и подготовка, повышение квалификации участников запускаемых процессов по созданию и развитию сообществ. Это не только получение знаний, но и, в первую очередь, работа по развитию рефлексивности, способности к целеполаганию и организации собственной и коллективной деятельности.

Переводя описанное понимание деятельности, необходимой для возрождения местных сообществ, в технологическое, то есть доступное для использования другими субъектами, мы получаем следующую цепочку действий:

1. Самоопределение субъекта программы развития сообществ в Беларуси.

2. Определение целей программы, системы понятий и представлений, необходимых для ее реализации.

3. Определение набора характеристик и показателей, по которым мы можем выделять интересующие нас сообщества от того, что сообществами не является, симулирует или выдает себя за сообщество.

4. На основе выделенных показателей и характеристик **разработка процедуры** проверки выбранных нами для дальнейшей работы сообществ (потенциальных сообществ) на соответствие этим показателям.

5. Составление «базы данных» потенциальных сообществ на основе имеющихся у нас источников информации.

6. Исследование потенциальных сообществ из «базы данных» на соответствие выделенным показателям и характеристикам по разработанной процедуре.

7. а) Установление с сообществами, отвечающими упомянутым характеристикам, партнерских отношений для совместной реализации программы развития сообществ;

б) среди оставшихся сообществ поиск активных, инициативных людей.

8. Включение активных, инициативных людей, найденных на предшествующем этапе, в сферу деятельности существующих сообществ для приобретения ими опыта жизни и деятельности в сообществах.

Анализируя перечисленные восемь пунктов, мы в своей практической деятельности сталкиваемся с таким парадоксом: нам при-

ходится устанавливать связи и партнерские отношения (п.7) и вовлекать активных и инициативных людей (п.8) в то время, как мы не имеем достаточной и полной информации по пунктам с 3-го по 6-ой. Это распространенный парадокс в практике пионеров и первопроходцев. Именно здесь и реализуется метод исследования действием. В исследовании действием характеристики, показатели и критерии вводятся не как априорные, а как результат исследований, случаев успешной реализации.

Тем не менее, в своей работе мы используем определенные ориентиры, в частности в поиске людей и протосообществ. В деятельности НГО традиционно такими ориентирами описываются «целевые группы», которые определяются либо по возрастному, либо по социальному признаку (например, молодежь, инвалиды, пенсионеры и т. д.). Однако мы не можем использовать такого рода характеристики, потому что они уводят нас от стоящих перед нами задач и размывают основную проблему. Целевые группы, подобные этим, в Европе могут организовываться в сообщества при определенной помощи и поддержке, потому что у представителей таких групп есть или может быть опыт жизни и деятельности в других сообществах или общинах. Мало того, что у нашей молодежи, инвалидов или пенсионеров такого опыта нет, и дело даже не в том, что такого опыта нет у большинства из тех, кто пытается помогать им. Основная проблема в том, что сообщества для целевых групп, выделяемых по таким социальным признакам, всегда вторичны по отношению к тем квазиестественным сообществам, которые составляют костяк гражданского общества европейских наций — местным сообществам.

Выделяя ориентиры для своей деятельности, мы опираемся на людей, а не на их объединения. Констатируя выше, что традиционные для европейских наций социальные структуры в Беларуси разрушены, мы должны признать и то, что мы не имеем приемлемой и сколь-нибудь правдоподобной картины беларусского социума. Используя категории «молодежь», «инвалиды» и т. д., мы можем мыслить их как структуры европейского социума, в Беларуси же они — не таковы. Мыслить их и работать с ними как-то иначе ни

мы, ни кто бы то ни было в Беларуси, не умеет. Это побуждает нас работать с активными и инициативными людьми в регионах, не торопясь приписывать их к каким бы то ни было социальным структурам или группам.

Перенося центр тяжести с социальных организованностей на конкретных людей, мы все же должны определиться с критериями отбора людей, которые нам необходимы. Лежащие на поверхности характеристики «активности» и «инициативности» определяются через оценку прошлой деятельности и через совместный опыт. При этом мы не можем согласиться с *любыми* проявлениями инициативности и активности. Это должна быть направленная активность, то есть у людей должны быть конкретные проблемы, имеющие значение для многих людей или даже для всех, живущих в некоторой местности. Это должны быть такие проблемы, которые не могут быть решены в одиночку, а только с привлечением еще многих других людей. Но даже и этого недостаточно. У людей, активно занятых решением таких проблем, должно быть представление о том, что и мы (имеется в виду сообщество АГТ-ЦСИ) входим в число тех многих людей, без которых проблема не может быть решена.

В Беларуси практически нет людей, имеющих опыт жизни в сообществах, но наверняка есть люди, у которых есть *жизненная потребность в сообществах*. Именно эта потребность и является для нас главным ориентиром для выделения нашей «целевой группы». Эта потребность побуждает их к активности и инициативности, наша же задача суметь ее отличить.

Но лежащих на поверхности характеристик недостаточно. Нам важны еще, как минимум, три характеристики. Первая – это наличие у активного человека свободного времени, которое он мог бы выделять на общественную деятельность. В условиях Беларуси, а наверное, и всех стран с переходной экономикой, это может представлять определенную проблему. Низкий уровень доходов поглощает практически все человеческое время, многие вынуждены работать сверхурочно, чтобы поддерживать привычный образ жиз-

ни. Поэтому, чаще всего, свободное время для общественной деятельности есть либо у молодых людей, не обремененных семьей, либо у пенсионеров. Есть еще одна категория общественных активистов в Беларуси, которые рассматривают общественную деятельность как источник зарабатывания денег. Чаще всего, эти категории населения не обладают достаточным социальным весом и авторитетом, поэтому в качестве потенциальных участников реализации наших целей мы предпочитаем выбирать людей, имеющих источник дохода на уровне среднего по стране или выше по основной деятельности, которому не требуется тратить свободное время на зарабатывание и который не привязан к общественной деятельности как к источнику дополнительного заработка.

Вторая характеристика связана с независимостью человека от режима и его идеологии. Здесь дело не только в том, разделяет или не разделяет человек идеологию правящего режима, а в том, насколько он в своей основной деятельности не зависим от поддержки властей. Например, большая часть бизнеса в Беларуси не дает людям свободы и независимости, поскольку не только успешность, но и просто нормальное функционирование достигается лояльностью по отношению к властям или коррупцией. То же самое относится к учителям, преподавателям высшей школы, научным работникам и даже к студентам. И все же среди людей, имеющих собственный бизнес или источник дохода, связанный с оказанием услуг в негосударственном секторе, найти независимых людей проще, нежели в государственном.

Третья характеристика связана с авторитетностью, влиятельностью потенциального участника нашей деятельности, с тем, насколько другие люди в соответствующей местности готовы ему доверять. Один из инструментов, используемый режимом против гражданского общества и демократических преобразований, — дискредитация авторитетных и влиятельных людей в глазах окружающих. Несколько случаев такой дискредитации способны нейтрализовать всех потенциально активных людей в малом городе. Поэтому даже такие мягкие критерии делают отбор участников наших проектов крайне затруднительным.

Сложность выделенных критериев не только в том, что таких людей не так уж и много, а главным образом в том, что соответствие им нельзя обнаружить «объективно», а только через проверку совместным действием. То же относится к проверке и установлению показателей действительности, реальности организующихся сообществ. Здесь не может быть гарантированных результатов в скорой перспективе.

Т. Водолажская, В. Мацкевич

Заключение

Многое в государственном устройстве и социальной организации Советского Союза было внешне похоже на характерные для Европы институты. В конце 80-ых — начале 90-ых годов, когда разочарование советским образом жизни и всей совокупностью общественных отношений стало массовым, многим казалось, что перейти к европейским формам организации жизни и деятельности можно, сохранив основные советские институты, но наполнив их несколько иным содержанием. Надо только научить людей немного иначе работать, повысить активность, обеспечить доступ к информации и разрешить свободно распоряжаться собственными ресурсами. После распада Союза в некоторых странах, образовавшихся на его развалинах, в частности в странах Балтии, довольно быстро избавились от этих иллюзий. В Беларуси эти иллюзии живы до сих пор. Структура и устройство судов, милиции и местных органов власти, колхозов, школ разных уровней и некоторых других институтов в Беларуси остались без изменений. Основная энергия и творчество беларусов затрачиваются на то, чтобы улучшить работу структур, организаций и институтов, доставшихся нам в наследство от Советского Союза. И форма этого улучшения не претерпела изменений с конца 80-ых годов. Эта форма, как правило, формулируется в простых количественных категориях: «больше гласности», «больше свободы», «больше демократии», «больше ресурсов» или наоборот: «меньше бюрократии и коррупции» и т. д.

Самое забавное, что точно также рассуждают и многие европейцы, искренне пытающиеся помогать в решении наших проблем. Однако не может быть больше свободы там, где ее не было вовсе, и нельзя уменьшить коррупцию, если людям не известны другие формы решения общественных проблем. Можно только уменьшить размер взяток. За подобными попытками улучшения просматривается очевидный и простой принцип человеческой деятельности: всегда проще продолжать некую деятельность, чем в корне ее переменить, отказавшись от деятельности одного типа и заменив ее какой-то другой деятельностью. Все, что мы описали выше, предполагает именно такое отношение: замену деятельности или института, а не улучшение или совершенствование его.

Трудности такого радикального отношения к деятельности очевидны. Заявленные нами выше основные принципы и направления работы по возрождению сообществ являются ответом на понимание этих трудностей. Но определение и декларация направлений и порядка действий еще не защищают нас от опасности постепенной подмены деятельности по возрождению сообществ более привычной деятельностью по развитию того, что не существует. Эта опасность связана, прежде всего, со сложностью соотнесения и соизмерения отдельных действий, которые всегда локальны, ограничены в пространстве и во времени, с общими принципами, целями и представлениями. Поэтому крайне важным вопросом является вопрос о критериях оценки конкретных действий и эффективности продвижения к общей цели. Они и являются механизмом защиты от возможной подмены. Очевидно ведь, что критерии, применяемые при установках на улучшение и совершенствование чего-то, кардинально отличаются от критериев создания того, что не существует. В первом случае обычно используются уже наработанные эмпирические показатели, в которых фиксируется количественный рост чего-либо (число людей, количество мероприятий и т. д.).

Второй случай предполагает абсолютно иной подход. Если бы человеческая деятельность оценивалась только эмпирическими, количественными критериями, никакой прогресс и никакие инно-

вации не были бы возможны. Например, первые пароходы по всем параметрам уступали современным им парусным судам. Однако люди приняли решение развивать пароходы, инвестировать в них, оставив парусники в романтическом прошлом. Чем руководствовались эти люди? Мы думаем, что они руководствовались логикой, аналитикой, критическим мышлением. Опыт и очевидность свидетельствовали в пользу парусников, они несли больше груза, были быстрее, чище и просто красивее первых коптящих, пыхтящих, медлительных пароходов. Разум входил в конфликт с опытом и очевидностью, но разум победил, а последующий опыт засвидетельствовал победу разума.

Что же для нас означает апелляция к логике и критическому мышлению, когда мы планируем конкретные действия по возрождению сообществ или оцениваем их результаты? Отметим наиболее важные моменты.

Первое – это сохранение исследовательского отношения к собственным представлениям о сообществах, путях и возможностях их возрождения на Беларуси, а также рефлексивного и критического отношения к тем схемам и представлениям о деятельности, которые мы имеем и которыми пользуемся. Поэтому всякий, даже «негативный» результат взаимодействия с людьми или протосообществами не может быть просто отброшен, он рассматривается нами как обогащающий наши представления о Беларуси, о состоянии сообществ, о ценностях, установках и мотивации людей, о способах наших действий.

Второе – это постоянное удержание общих целей и задач, в частности сохранение установки на радикальное изменение, а не на совершенствование и рост. Такое понимание дает возможность увидеть и не оставить без внимания нечто качественно новое, путь даже едва различимое, и не «западать» на внешне выразительное, но бессодержательное. В этом смысле один инициативный человек, пытающийся реализовать собственные представления и принципы обустройства жизни в районе или городе, для нас важнее и перспективнее, чем «сообщество», выросшее на принципах совет-

ской организации, активно действующее и имитирующее развитие самоуправления.

Третье – это понимание масштабности и системности необходимых преобразований. Планируя, а после оценивая конкретные действия, мы вписываем их, находим им место в целостной системе задач и направлений деятельности. И только в рамках всей системы преобразований мы можем адекватно оценить то или иное событие или действие. Более того, получение результатов в решении одних задач, например, исследовательских, сразу же несет за собой изменения в понимании и уточнении других задач, например, организации взаимодействия с активными людьми на местах.

Все это определяет методы нашей работы и оценку ее эффективности.

Предлагаемый нами порядок действий может показаться длинным и обходным путем по сравнению с многочисленными прямолинейными проектами. Мы могли бы согласиться с этим, если бы не анализ прошлого опыта и если бы не убеждение, что прямолинейные проекты ведут только к иллюзорным результатам, в такой же степени похожим на настоящие, как советские институты были всего лишь похожи на европейские или институты открытого общества. Предлагаемый нами путь хоть и выглядит обходным, но он куда прямее ведет к цели, нежели многократно опробованные методы, ведущие к иллюзорным результатам. Поэтому мы предлагаем не только альтернативный взгляд и программу действий по развитию сообществ в Беларуси, но и другой подход к оценке эффективности деятельности. Текст этой брошюры апеллирует к критическому мышлению и разуму. Все дальнейшее покажет практика.

В. В. Мацкевич

Методологическое сообщество (незримый колледж)
www.methodology.by

ОО «Центр Социальных инноваций»
www.csi.by.com

Европейский дом
(Det Europæiske HUS)
www.europeanhouse.org

Фонд «Центр социальных инноваций»

Сайт беларусско–европейского сотрудничества и партнерства
www.eurobelarus.info